

Теоретический синтез и практические пробелы в исследованиях регионального и пространственного развития

Аннотация. В статье на основе обзора отечественных и зарубежных исследований региональной и пространственной экономики выявляются системные разрывы между теоретическим знанием и возможностью его практического применения в территориальном управлении. Обобщены ключевые теоретические подходы, такие как неоклассические теории размещения, новая экономическая география, институциональная экономика, концепции устойчивого развития, а также эмпирические закономерности (рост дивергенции, сжатие пространства, технологические сдвиги). Систематизированы пять типов практических пробелов: операциональный (неопределенность измерения ключевых конструктов), трансдисциплинарный (изолированность дисциплинарных категорий), пробел с данными (ограничения пространственных данных и методов моделирования), институционально-поведенческий (игнорирование реальных мотивов и неформальных практик) и нормативно-прогностический (отсутствие обратных связей в прогнозировании). Обосновано, что преодоление этих разрывов требует не разработки новых фундаментальных теорий, а переориентации исследовательской повестки на создание верифицируемых, локально адаптируемых и управленчески релевантных инструментов, таких как модульные платформы пространственного моделирования, стандартизированные системы индикаторов, поведенческие расширения и адаптивные механизмы регулирования. Для российской школы региональной экономики предложен синтез агломерационного, институционального и технологического анализа как условие перехода от описания к управлению пространственным развитием.

Ключевые слова: региональное развитие, пространственная экономика, практические пробелы, региональная политика, методология, междисциплинарность

Grishanov Vitaly Sergeevich

Yaroslav the Wise Novgorod State University

Theoretical Synthesis and Practical Gaps in Regional and Spatial Development Studies

Abstract. Based on a review of Russian and international research in regional and spatial economics, this article identifies systemic gaps between theoretical knowledge and its practical applicability in territorial governance. Key theoretical approaches are summarized, including neoclassical location theories, new economic geography, institutional economics, sustainable development concepts, as well as empirical regularities (rising divergence, spatial contraction, technological shifts). Five types of practical gaps are systematized: operational (uncertainty in measuring key constructs), transdisciplinary (isolation of disciplinary categories), data gap (limitations of spatial data and modeling methods), institutional-behavioral (neglect of real motives and informal practices), and normative-predictive (lack of feedback in forecasting). It is argued that bridging these gaps requires not the development of new fundamental theories, but a reorientation of the research agenda toward creating verifiable, locally adaptable, and policy-relevant tools — such as modular spatial modeling platforms, standardized indicator systems, behavioral extensions, and adaptive governance mechanisms. For the Russian school of regional economics, a synthesis of agglomeration, institutional, and technological analysis is proposed as a condition for the transition from description to the management of spatial development.

Keywords: regional development, spatial economics, practical gaps, regional policy, methodology, interdisciplinarity

В современной российской экономической науке исследование проблем регионального и пространственного развития переживает этап концептуального переосмысления. С одной стороны, неоспоримо фундаментальное значение наследия А.Г. Гранберга, чей учебник «Основы региональной экономики» [11] до сих пор задает нормативную рамку для анализа территориальных систем, включая методы региональных исследований и актуальные региональные проблемы России. С другой стороны, растет осознание ограниченности традиционного инструментария. Так, П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко [17] прямо указывают, что теоретические и прикладные средства региональной экономики недостаточны для изучения пространственных взаимодействий экономических агентов в современной экономике. Такое противоречие между серьезным теоретическим наследием и практической неоперациональностью является сквозным для всех исследуемых в рамках данной статьи научных публикаций.

Целью статьи является не просто систематизация существующих подходов, а попытка выявить зоны концептуального напряжения и указать направления для дальнейших исследований. Рассмотрим современные направления развития теории региональной экономики более подробно.

Первое направление - эволюция теоретических подходов и переход от районирования к методологическому плюрализму. Одним из системных отечественных обзоров является статья А.И. Татаркина и Е.Г. Анимицы [23] «Формирование парадигмальной теории региональной экономики», в которой авторы реконструируют эволюцию научных представлений, акцентируя внимание на вкладе российских ученых в раскрытие сущности экономического районирования и разработке теории территориально-производственных комплексов советскими географами и экономистами. Ключевой вывод, сделанный авторами данной статьи, заключается в том, что формирование парадигмы современной региональной экономики должно основываться на принципе территориальности как доминантном признаке любого исследования, а также на требовании выявления не только общих закономерностей, но и региональной (локальной) специфики. Этот вывод также созвучен позиции Д.Д. Цыренова [25], который указывает на потерю территориально-географического подхода в современных исследованиях, что критически снижает их прикладную ценность.

П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко [17] предлагают более широкую эволюцию научно-исследовательских программ в рамках национальных школ: немецкой, французской, англосаксонской и российской. Такой подход позволяет избежать линейной периодизации и учитывать внутреннюю логику развития каждой школы.

В зарубежном контексте ключевую роль играет концепция М. Портера [22] о кластерах, которая в российской практике интерпретируется как инструмент повышения конкурентоспособности регионов, хотя, как отмечает тот же Д. Д. Цыренов [25], кластерный подход активизирует только внутренние взаимоотношения, без учета взаимосвязи с другими территориями. В синтезе эти взгляды создают многомерное поле, в котором регион предстает одновременно и как объект районирования, и как элемент глобальной цепочки создания стоимости и как среда для локальной кластеризации.

Второе направление - институциональный и управленческий поворот от государства-регулятора к архитектуре институциональной среды. Современные исследования смещают фокус с формальных инструментов планирования на качество институциональной среды. Например, В.В. Климанов, С.М. Казакова и А.А. Михайлова [13] в ретроспективном анализе устойчивости регионов России как социально-экономических систем вводят категорию резилиентности, т.е. способности регионов противостоять шокам. Позднее В.В. Климанов предлагает интегративный подход к изучению сбалансированности, устойчивости и инклюзивности в региональном развитии,

рассматривая регионы как сложные системы. Эта линия перекликается с работой А.Б. Кусьминова [16], который, синтезируя неоинституциональную теорию и экономику общественного сектора, показывает, что некоммерческие организации и институты развития выступают так называемыми провайдерами специфических общественных благ, снижая транзакционные издержки и формируя социальный капитал как экономический актив.

О.И. Беляева [8] анализирует проблему согласования стратегического, территориального и пространственного планирования в РФ, фиксируя феномен «документоцентричности», при котором происходит подмена реальных результатов процессом создания стратегий. Этот критический вывод дополняется предложением О.В. Кузнецовой и А.Г. Дружинина [15] о необходимости увязки Стратегии пространственного развития с научно-технологической и внешнеэкономической политикой, а также учете экзогенных детерминант, таких как формирование «Большой Евразии».

Концептуальный вклад вносит В.М. Полтерович [21], чья теория реформ изучает процессы целенаправленного изменения экономических институтов, включая механизмы формирования институциональных ловушек и проблемы институтов. Применительно к региональному развитию это означает, что слепое копирование успешных институциональных моделей без учета локального контекста может приводить к существенным дисфункциям.

Третье направление - эмпирические закономерности, указывающие на рост дивергенции и феномен «сжатия пространства». Эмпирический блок подобного рода исследований представлен, прежде всего, работами Е.А. Коломак [14], которая на основе индексов пространственной концентрации и эконометрических оценок показывает, что в России идет рост неравномерности распределения ресурсов и результатов производства, причем скорость этого процесса достаточно высока. Более того, анализ автора не подтвердил эффективности межрегиональных трансфертов и государственных инвестиций для снижения различий между территориями. Факторами межрегиональной дивергенции выступают плотность населения, размер и доступность рынков, а также структура экономики – то есть те детерминанты, которые имеют рыночную основу и которые выдвигает в качестве ключевых агломерационная экономика. Е.А. Коломак также отмечает, что общая концентрация экономической активности сопровождается миграцией ресурсов из периферии в центр, с востока на запад и из регионов добывающей в регионы обрабатывающей специализации.

Ее выводы схожи с позицией Н.В. Зубаревич, которая, опираясь на многолетние исследования социально-экономического неравенства регионов России, подчеркивает, что агломерация расширяется и дает импульс для роста более удаленных территорий, но лишь при развитии транспортной инфраструктуры. При этом Н. В. Зубаревич ставит под сомнение саму идею конвергенции регионов как основную цель региональной политики, предлагая отказаться от искусственных и коррупционных проектов выравнивания.

О.В. Брижак и Р.К. Поляков [9] на данных за 2016-2023 гг. подтверждают устойчивую дивергенцию на уровне федеральных округов, фиксируя асимметричное воздействие санкций: западные регионы, ориентированные на связи с ЕС, пострадали сильнее, чем восточные.

Четвертое направление - новые вызовы региональной экономики, такие как технологические уклады, «сжатие пространства» и проблема заимствования институтов. Известный российский ученый С.Ю. Глазьев, развивая теорию технологических укладов, дополняет ее пространственной составляющей, обосновывая связь между сменой технологических укладов и трансформацией пространственной организации экономики, включая энергопроизводственные циклы, кластеры и полюса роста в контексте шестого технологического уклада. Его работы позволяют интерпретировать пространственную дифференциацию не как статический дисбаланс, а как результат неравномерного распространения инноваций. Многие исследователи фиксируют одновременно и рост

пространственной концентрации, и сжатие экономически активного пространства России. А это те процессы, которые вступают в противоречие с официальной целью сбалансированного развития.

Выход предлагается в обращении к теории реформ В.М. Полтеровича [21], когда эффективная региональная политика должна строиться не как прямое копирование чужих институтов, а как конструирование собственной институциональной траектории, учитывающей локальные ограничения и избегающей институциональных ловушек. Однако операционализация этого подхода на мезоуровне до сих пор остается открытой задачей.

Таким образом, проведенный теоретический анализ исследования проблем региональной экономики позволяет выделить три основных подхода:

Пространственно-районирующий (Гранберг А. Г., Татаркин А. И., Анимица Е. Г.), в котором сделан акцент на выделении территориальных систем и их специфики.

Институционально-эволюционный (Полтерович В. М., Кусьминов А. Б., Климанов В. В.) с фокусом на резилиентности, качестве институтов и траекториях реформ.

Агломерационно-концентрационный (Коломак Е. А., Зубаревич Н. В., Брижак О. В., Поляков Р. К.), заключающийся в исследовании объективных рыночных сил, ведущих к дивергенции.

В этой связи следует перейти к изучению практических пробелов в исследованиях регионального и пространственного развития. Так, за последние полвека региональная и пространственная экономика обогатилась множеством концепций: от классических моделей размещения (И. Тюнен, А. Вебер) и теорий полюсов роста (Ф. Перру) до новой экономической географии (П. Кругман) [5], концепций кластеров (М. Портер) [22] и резилиентности территорий. Однако, несмотря на значительный теоретический прогресс, практическое применение этих исследований для государственного и муниципального управления остается неоднозначным. Региональные диспропорции не только не сокращаются во многих странах, но зачастую углубляются, а апробированные в научной литературе рецепты (от инвестиций в инфраструктуру до стимулирования инноваций) далеко не всегда приводят к ожидаемым результатам. Такое несоответствие между знанием и действием позволяет говорить о существовании устойчивых практических лакун – методологических зон, где теоретические конструкции теряют свою предсказательную и инструментальную силу. В этой связи целесообразно идентифицировать, систематизировать и критически оценить основные типы таких лакун, а также предложить ориентиры для их преодоления.

1. Операциональный пробел, предполагающий необходимость перехода от абстрактных конструктов и определений к конкретным и измеримым индикаторам. Это фундаментальный пробел, связанный с операционализацией ключевых понятий «пространственное развитие», «региональная резилиентность», «институциональная среда», «социальный капитал», «сбалансированность» и другие, которые не имеют общепринятых и сопоставимых методов измерения [18]. Проявления этого пробела проявляется в целом ряде моментов:

множественность несовместимых индексов качества региональной политики, каждый из которых дает различную ранжировку регионов;

отсутствие стандартизированных процедур агрегирования разнородных показателей (экономических, социальных, экологических, институциональных) в интегральные оценки развития;

слабая связь между теоретическими конструктами и доступными статистическими данными, что ведет к подмене понятий.

Последствия операционального пробела заключаются в том, что решения, принимаемые на основе неверифицированных или неполных индикаторов, могут оказывать системно ошибочное воздействие. Например, стимулирование «полюсов роста» без точного измерения мультипликативных связей с периферией нередко приводит к перетоку ресурсов из депрессивных территорий, усиливая их деградацию.

2. Трансдисциплинарный пробел, предполагающий изолированные категории и упущенные взаимосвязи. Региональное развитие по своей природе является комплексным феноменом, находящимся на пересечении экономики, географии, социологии, политологии, урбанистики и экологии. Однако реальная исследовательская практика остается преимущественно моно- или мультидисциплинарной, но не трансдисциплинарной (когда знание создается совместно учеными разных областей и практиками). Каждая дисциплина конструирует свое понятие «регион»: экономист видит пространство через потоки товаров и капитала, географ – через ландшафт и расселение, социолог – через сети взаимодействий и идентичности, эколог – через допустимые нагрузки [4, 6].

Проявления этого пробела происходят в следующем:

экономические модели размещения зачастую игнорируют социокультурную инерцию населения (нежелание мигрировать даже при высокой безработице, привязанность к малой родине);

политико-управленческие исследования редко включают пространственно-эконометрические оценки последствий принимаемых решений;

экологические ограничения, такие как углеродный след, водопотребление, сохранение биоразнообразия все чаще выступают как внешние, а не как эндогенные параметры регионального роста.

Последствия трансдисциплинарного пробела приводят к появлению комплексных проблем (например, депопуляция моногорода в условиях климатических изменений и структурной перестройки экономики) и не находят целостного решения, поскольку каждая дисциплина предлагает фрагментарную «свою» рекомендацию, не стыкуя ее с другими.

3. Пробел актуальных данных и методов моделирования: пространственная автокорреляция и ограничения временных рядов. Несмотря на прогресс пространственной эконометрики и наличие целого ряда моделей, например, SAR, SEM, SDM, остаются серьезные практические ограничения, связанные с качеством и доступностью данных, а также с корректным учетом пространственной и временной динамики [3].

Проявления этого пробела заключаются в следующем:

неполнота и неоднородность данных, когда во многих странах, включая Россию, данные по муниципальным образованиям часто отсутствуют, закрыты или несопоставимы во времени, что существенно препятствует микроанализу пространственных эффектов

пространственная автокорреляция как методологический вызов, при котором не смотря на то, что эконометрика предлагает способы ее учета, на практике трудно разделить истинное влияние соседства и эффекты общих ненаблюдаемых факторов (например, федеральной политики, действующей на группу регионов), что в свою очередь порождает проблему идентификации;

игнорирование нестационарности пространственных процессов, при которой большинство моделей предполагают стабильные связи между переменными, тогда как в реальности агломерационные эффекты могут самовоспроизводиться (кумулятивный рост) или внезапно разрушаться (шоки, смена технологических укладов). Прогнозные свойства таких моделей на длинных горизонтах крайне низки.

Основные последствия пробела актуальных данных и методов моделирования заключаются в том, что управленческие решения, основанные на таких моделях, либо не учитывают реальной пространственной структуры, либо, наоборот, приписывают ей несуществующие причинно-следственные связи, что ведет к ошибочному распределению ресурсов.

4. Институционально-поведенческий пробел, указывающий на игнорирование реальных мотивов экономических акторов. Большинство макро- и мезоэкономических моделей регионального роста исходят из предпосылок о рациональности экономических агентов, совершенной информации и мгновенной адаптации. Однако на региональном уровне доминируют ограниченная рациональность, инерция институтов и неформальные правила [1, 6].

Проявления этого пробела включают в себя:

недоучет неформальных институтов, когда формальные законы о поддержке малого бизнеса могут быть полностью нейтрализованы неформальной практикой административных барьеров, но в количественных моделях это редко отражается;

поведенческие искажения, при которых решения о миграции, предпринимательской активности, выборе места жительства зависят не только от объективных стимулов (доходы, занятость), но и от восприятия риска, социальных норм, привязанности к территории. Экономико-географические модели почти никогда не включают такие поведенческие параметры;

проблема агрегирования локальных институтов, когда региональная институциональная среда не есть простая сумма муниципальных сред, и существуют эффекты «соседства институтов», которые пока не поддаются формализации.

Последствия институционально-поведенческого пробела заключаются в том, что региональная политика, построенная на рационалистических допущениях (например, снижение налогов однозначно привлечет инвестиции), часто проваливается из-за неучета локальных институциональных ловушек и поведенческого сопротивления.

5. Нормативно-прогностический пробел, предполагающий наличие сценария без обратной связи. Ключевое предназначение региональных исследований заключается в том, чтобы давать обоснованные рекомендации по управлению будущим. Однако современные методы прогнозирования (трендовые модели, форсайт, сценарное планирование) редко встраиваются в динамику управленческих решений как эндогенный фактор [2].

Проявления этого пробела проявляются в следующем:

самосбывающиеся и саморазрушающиеся прогнозы, при которых, например, если модель предсказывает отток населения из периферии, а власти на основе этого сокращают там социальные услуги, то прогноз реализуется, но не в силу объективной тенденции, а из-за реакции системы на прогноз. Обратная связь между предсказанием и действием почти никогда не моделируется;

нормативные модели не всегда предусматривают позитивный анализ. Так, позитивные исследования (что есть) доминируют, а нормативные (каким должно быть желаемое пространственное устройство и каким путем к нему идти) размыты или умозрительны, поэтому региональное «планирование» часто подменяется экстраполяцией прошлого;

отсутствие имитационных моделей агентного типа для региональной политики: хотя агент-ориентированное моделирование (ABM) развивается в урбанистике, в региональной экономике оно остается редким инструментом. Механизмы взаимодействия множества гетерогенных акторов (домохозяйств, фирм, муниципалитетов) при реализации крупных проектов (транспортных коридоров, особых экономических зон) практически не просчитываются.

Последствия нормативно-прогностического пробела заключаются в том, что региональные стратегии развития оказываются либо чисто декларативными, либо консервативными, либо приносят непредвиденные негативные эффекты.

Выявленные нами пробелы не являются неизбежными, однако их наличие указывает на необходимость смены акцентов в научных исследованиях. Например, от стремления к разработке универсальных моделей к поиску контекстно-зависимых инструментов. Вместо поиска «единственно верной» теории полюсов роста или конвергенции, исследователям следует сосредоточиться на разработке методов, позволяющих использовать общие принципы под конкретную территорию (ее отраслевую структуру, институциональную историю, географические и культурные особенности).

Кроме того, целесообразно развитие модульных платформ пространственного моделирования, объединяющих эконометрику, ABM и ГИС. Такие платформы должны быть открытыми и верифицируемыми на локальных данных.

Создание стандартизированных, но гибких систем индикаторов для мониторинга резiliентности, инклюзивности и эколого-экономической сбалансированности регионов позволяет проходить обязательную процедуру верификации и эффективно сопоставлять результаты разных методов агрегации.

Интеграция поведенческой экономики в региональные модели позволит включить параметры ограниченной рациональности, социальных предпочтений и восприятия справедливости в объяснение миграции, трудового поведения и предпринимательской активности.

Внедрение регуляторного подхода с обратными связями приведет к разработке методик, позволяющих прогнозировать реакции региональных систем на сами прогнозы и корректировать политику в режиме реального времени (адаптивное управление).

Резюмируя, отметим, что практические пробелы в исследованиях регионального и пространственного развития представляют собой не просто академические трудности, а реальные препятствия для повышения эффективности территориального управления. Операциональные, трансдисциплинарные, институционально-поведенческие, нормативно-прогностические пробелы снижают трансляцию научного знания в практические решения. Преодоление этих разрывов требует не очередной «большой теории», а целенаправленной, коллективной и междисциплинарной работы по созданию верифицируемых, локально адаптируемых и рефлексивных инструментов.

Представленный обзор показывает, что российская школа региональной экономики находится в фазе активного методологического поиска. Классические теории размещения и районирования сталкиваются с вызовами институциональной сложности, технологической неоднородности и рыночной поляризации. Дальнейший прогресс лежит в плоскости синтеза: интеграции агломерационного анализа с институциональным дизайном и учетом долгосрочных циклов технологической смены. Только такой междисциплинарный синтез способен превратить региональную науку из инструмента описания в действенный механизм управления пространственным развитием.

Список источников

1. Arthur W.B. Complexity and the Economy. Oxford University Press. - 2015.
2. Barca F., McCann P., Rodríguez-Pose A. The Case for Regional Development Intervention: Place-Based Versus Place-Neutral Approaches // Journal of Regional Science. – 2012. - vol. 52. - no. 1. - pp. 134-152.
3. Batty M. The New Science of Cities. MIT Press. - 2013.
4. Frenken K. A New Framework for the Empirical Analysis of Relatedness // Papers in Evolutionary Economic Geography. – 2017. - №17.11.
5. Krugman P. The New Economic Geography // Now Middle-Aged. Regional Studies. – 2011. - vol. 45. - №1. - pp. 1-7.
6. Williamson O.E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. – 2000. - vol. 38. - №3. - pp. 595-613.
7. Аганбегян А.Г. Биографическая справка // Большая российская энциклопедия.
8. Беляева О.И. Государственное стратегическое планирование в РФ // Государственная служба. - 2026. - Т.28. - №1. - С.6-13.
9. Брижак О.В., Поляков Р.К. Пространственная дивергенция и стратегические вызовы // Экономика. Налоги. Право. - 2026. - Т.19. - №2. - С.100-109.
10. Гилярова Ю.Л. Формирование и развитие региональных экономических систем // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. - 2024. - №2. - С.25-33.
11. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. 4-е изд. М.: ГУ ВШЭ. - 2004. - 492 с.

12. Ибрагимова З.А. Оценка развития региональных экономических систем // Финансовые исследования. - 2024. - Т.25. - №1. - С.165-173.
13. Климанов В.В., Казакова С.М., Михайлова А.А. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // Вопросы экономики. - 2019. - №5. - С.46-64.
14. Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. - 2014. - №4. - С.82-99.
15. Кузнецова О.В., Дружинин А.Г. К новой стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. - 2024. - №4(205). - С.36-45.
16. Кусьминов А.Б. Общественные институты в ракурсе разных теоретико-методологических парадигм // Вестник Волгоградского госуниверситета. Экономика. - 2026. - Т.28. - №1. - С.15-26.
17. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. - 2010. - №2. - С.6-32.
18. О'Салливан А. Экономика города. М.: ИНФРА-М, 2019.
19. Пилясов А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. - 2011. - №1(31). - С.3-31.
20. Победин А.А. Теоретический базис формирования эффективной политики регионального развития // Регион: системы, экономика, управление. - 2024. - №2(65). - С.36-53.
21. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. 3-е изд. М.: Издательство Московского университета. - 2026. - 475 с.
22. Портер М. Конкуренция / пер. с англ. М.: Вильямс. - 2005.
23. Татаркин А.И., Анимица Е.Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. - 2012. - №3(31). - С.11-21.
24. Тхор Е.С., Тхор С.А., Макарова Е.И. Теоретико-методологические основы обеспечения сбалансированного регионального развития // Региональная экономика и управление. - 2025. - №3(83).
25. Цыренов Д.Д. Эволюция отечественных подходов и теорий территориального развития // Baikal Research Journal. - 2025. - Т.16. - №2. - С.809-819.

Сведения об авторе

Гришанов Виталий Сергеевич, аспирант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

Information about the author

Grishanov Vitaly Sergeevich, postgraduate student at Yaroslav the Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia